РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

УДК 327.51, 327.54, 327.56, 327.57, 172.4.

Наталья ПЛЕВАКО

**ГУСТАВ МАННЕРГЕЙМ,
КАКИМ ОН ВИДИТСЯ В XXI ВЕКЕ
(к выходу в России книги Хенрика Мейнандера)**

Статья поступила в редакцию 19.02.2021

Аннотация. Статья-рецензия посвящена анализу книги крупного финского исследователя Хенрика Мейнандера о жизни и деятельности видного военного и политического деятеля Финляндии Густава Маннергейма. Вслед за автором рецензент проходит по вехам жизни Маннергейма, разбирая убедительные и спорные утверждения историка. Книга написана на базе разнообразных источников и содержит полемику с другими авторами, занимавшимися тем же сюжетом. Автор стремился к объективности, ни приукрашивая мысли и поступки своего героя, ни умаляя их смысла и значения, и во многом достиг своей цели. Монография разбита на главы, характеризующие тот или иной период в жизни Маннергейма и состоящие из отдельных тематических разделов-очерков. В результате получилась динамически развивающаяся картина становления личности героя, исследованная на фоне важнейших событий в истории мира, Финляндии и России. Автор прослеживает, как из аристократа и офицера-щеголя вырастает один из самых крупных европейских политиков, усвоивший противоречивый опыт истории XX в. Центральное место в повествовании занимает тема «Маннергейм и Россия». Добросовестная военная служба в Российской империи, борьба с советской Россией и наконец осознание необходимости искать пути формирования мирных отношений с могучим соседом – такова эволюция отношения Маннергейма к нашей стране. Немало места уделено и проблеме взаимоотношений Финляндии с другими странами – Швецией, Германией и Британией.

Ключевые слова: Финляндия, Маннергейм, Зимняя война, гражданская война в Финляндии, Вторая мировая война, советско-финские отношения, Мейнандер.

Финляндия – совсем рядом с нами. И каждая новая книга об этой стране – событие в российской научной и общественной жизни. Издательство «Весь Мир» выпустило книгу о крупнейшем деятеле финляндской истории – маршале Густаве Маннергейме. Ее написал известный историк, профессор Хельсинкского университета Хенрик Мейнандер [Мейнандер, 2020]. Издательство уже познакомило российских читателей с его «Историей Финляндии» (2008) и монографией «Финлян-

© Плевако Наталья Сергеевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра Северной Европы ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: natalia_plevako@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22021167178>

дия, 1944: война, общество, настроения» (2014). Новую книгу Мейнандера следует отнести к жанру научно-популярной биографии. Сразу же отметим, что содержанию авторскому тексту соответствуют высококачественный перевод К. Мурадян и профессиональное редактирование О. Зимарина.

Особый интерес для российского читателя представляют собой первые главы книги, потому что действие разворачивается в Российской империи. Густав Маннергейм родился на юго-западе Финляндии, в замке, которым владело не одно поколение семьи Маннергеймов – аристократов шведского происхождения. В доме говорили по-шведски. Мы не знаем, были ли у него в детстве друзья–финны и читал ли кто-нибудь юному Густаву руны «Калевалы». Ведь даже в ту пору, когда Маннергейм играл ведущую роль в жизни Финляндии, его знания финского языка «можно было в лучшем случае считать сносными» [Мейнандер, 2020: 26]. При этом известно, что Маннергейма еще в детстве научили английскому, французскому, русскому и, по всей видимости, немецкому. Сам Маннергейм начинает свои мемуары с того момента, как ему исполнилось пятнадцать лет. Мейнандер рассказывает о родителях Маннергейма, сложная история взаимоотношений которых могла бы стать основой для фильма Ингмара Бергмана. Он приводит характеристику, данную молодому Маннергейму одним из его сослуживцев графом А.А. Игнатьевым: «Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу как ремесло» [Мейнандер, 2020: 45]. «Эlegantным наемником» назвал Маннергейма и шведский журналист Х. Линдквист, написавший объемистую биографию Маннергейма [Harrison, 2017]. Да, и швед, и «финляндец». Но наемник ли? Ответ на этот вопрос дает особенно удачно написанный раздел «Кавалерист in spe» в первой главе. Прежде всего, Маннергейм был дворянином. С детских лет ему прочили подобающее место в военно-государственной иерархии империи Александра III. Мейнандер справедливо заключает, что юный Маннергейм, «как и десятки тысяч других граждан Великого княжества Финляндского, надеялся найти свою удачу на берегах Невы» [Мейнандер, 2020: 32].

Образ настоящего рыцаря всегда связан с конем. Поэтому Маннергейм и оказался слушателем элитарного Николаевского кавалерийского училища: связи помогли представителю не самого древнего рода из Финляндии оказаться среди отпрысков Столыпиных и Татищевых, Скобелевых и Нарышкиных. Он ощущал себя до некоторой степени чужаком в такой компании по другой причине: в училище преобладали «явно русофильские настроения» [Мейнандер, 2020: 33]. По окончании училища его отправили служить в гарнизон заштатного города Калиш на западе Польши. Опять потребовалась протекция. «Он умолял своих родственников использовать связи при российском дворе для его перевода в кавалергардский полк», – сообщает Мейнандер. Связи помогли, и Маннергейм попал в желаемую часть, где мог уже показаться на глаза самому государю. Вскоре, как сообщает автор, ссылаясь на слова Софии – старшей сестры Густава, – он начал несколько пренебрежительно относиться к «гражданским голодранцам» [Мейнандер, 2020: 39].

Одна из лучших глав книги посвящена годам созревания личности Маннергейма. Она называется «На службе империи». Особенно интересно читаются разделы «Коронация и кризис» и «Русско-японская война». В них обстоятельно рассказывается, как складывалась военная карьера Маннергейма и как он приобрел настоящий военный опыт на Русско-японской войне. Внешне жизнь кавалергардов выглядела

завидной: «Помимо традиционных боевых и караульных задач они выполняли церемониальные функции, принимая участие в императорских парадах, шествиях и праздниках» [Мейнандер, 2020: 51]. Апогеем этой блестящей жизни стало участие в церемонии коронации Николая II. Агентства всего мира распространили фотографии, на которых статный кавалергард, командир первого взвода Густав Маннергейм сопровождает царскую чету. Автор намекает, что спустя десятилетия судьба и особенно подробности гибели царской семьи должны были отразиться на сознании его героя, внушив ему особую ненависть к большевикам. Однако восторг от церемонии венчания на царство тут же сменился тяжелыми впечатлениями от Ходынской катастрофы.

Постепенно восторги от службы улетучивались. Его взгляды на будущее Финляндии и на политику царского правительства в отношении этой части империи стали все определеннее входить в противоречие с суждениями отца и братьев, особенно Карла, который примкнул к группе «Кагал», созданной деятелями Конституционной партии. Густав же считал, что протестные акции лишь укрепят репрессивные силы, делающие ставку на то, чтобы «подавлять и угнетать» [Мейнандер, 2020: 60]. Автор не утверждает, но предполагает, что это явилось одним из мотивов, побуждавших Маннергейма найти способ выбраться из столицы. Решение психологических и мировоззренческих проблем пришло само и неожиданно. Разразилась Русско-японская война 1904–1905 гг., обогатившая Маннергейма как профессионального военного. Подспорьем автору в изучении этой темы послужили дневники, которые Маннергейм вел во время кампании. Война была проиграна, но Маннергейму, как и многим его товарищам, не в чем было себя упрекнуть: «ему удалось проявить качества, достойные настоящего воина». К тому же кавалергарду везло – в битве под Мукденом, где потери русских убитыми и ранеными исчислялись цифрой порядка 60 тыс. человек, он «не покидал боя и при этом умудрился обойтись без единой царапины» [Мейнандер, 2020: 66].

Тем временем в России разразилась революция. Начались политические перемены, которые затронули и Финляндию. Члены финского Сената во главе с Лео Мехелином грезил независимостью. Маннергейм уже в чине полковника прибыл в Петербург. Возвращение в столицу оказалось, к его досаде, сложнее поездки на фронт, забастовки и солдатские бунты дезорганизовали движение. Летом 1906 г. он заседал в сейме, который стал всесословным, что не могло понравиться барону Густаву Маннергейму.

Время от Первой русской революции до начала мировой войны – относительно спокойный период в жизни Маннергейма. На него пришлось и секретная поездка в Китай и Японию в 1906–1908 гг. (опираясь на уникальные источники – так называемые азиатские дневники, автор без обиняков называет ее «шпионской миссией»), и командование лейб-гвардии Уланским полком в Варшаве в 1909–1914 гг.

Октябрьскую революцию Маннергейм категорически не принял. В разделе «Контрреволюционер» 4-й главы Мейнандер приводит знаковый эпизод, относящийся к возвращению Маннергейма 11 декабря 1917 г. в Петербург: он увидел, как на перроне «генералы сами волокли свой багаж» [Мейнандер, 2020: 103]. Автор связывает раздражение своего героя с покушением на дворянские привилегии. Представляется, что дело было не только и даже не столько в этих привилегиях. К тому моменту, как большевики захватили власть, а 3 ноября издали Декрет об уничтожении

сословий и гражданских чинов, эти преимущественные права уже обветшали. Стоит вспомнить, что еще 5 октября 1906 г. вышел Именной высочайший Указ, отменявший все сословные привилегии для поступления на государственную службу. Вряд ли проблема сословных льгот сильно волновала основателей Белого движения – Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и М.В. Алексеева, вышедших из простолюдинов. Их более всего беспокоила судьба армии, в сохранении которой они видели главную гарантию существования государства. Армия стала разрушаться морально еще в окопах войны, а организационно после приказа Петросовета № 1 от 1 марта 1917 г. Маннергейм тяжело переживал развал армии, в которой он до того верно служил.

Маннергейм не стремился в политику, она сама ворвалась в его жизнь. Ему суждено было сыграть огромную роль в разгроме революции в Финляндии. Финская белая армия оказалась удачливее армий Деникина, Колчака или Врангеля. В книге приводится фотография, сделанная в Хельсинки 16 мая 1918 г. во время парада победы. На ней видно, как Маннергейм, словно памятник, горделиво восседает на коне. Это был его звездный час. Парад «ознаменовал торжественный выход Маннергейма в качестве публичной фигуры на авансцену общественной жизни столицы» [Мейнандер, 2020: 118].

В Финляндию независимость (провозглашена 18 декабря 1917 г.) пришла вместе с гражданской войной. Поэтому на родине о Маннергейме этого времени отзывались по-разному. Одни видели в нем спасителя страны, другие – жестокого палача. Автор не осуждает Маннергейма за то, что он возглавил финскую контрреволюцию, но и не оправдывает его в том, что генерал окрасил движение за независимость в цвета крови часто ни в чем не повинных людей. Российский читатель, однако, заметит, что в книге скупо сказано о тех событиях, из-за которых Маннергейм подвергся в советской и постсоветской историографии и публицистике особенно жесткой критике. Так, не детализируя апрельских и майских событий 1918 г., Мейнандер признает, что «чрезмерно жестокие и необоснованные смертные приговоры, которые военные трибуналы выносили повстанцам, достигли своей кульминации именно в мае 1918 г.» [Мейнандер, 2020: 120]. Однако он не коснулся так называемой «Выборгской резни» в апреле 1918 г, а ее часто приводят в качестве примера крайней русофобии Маннергейма и его соратников. Сам Маннергейм в своих мемуарах рассматривал события, связанные с занятием его армией Выборга, только как удачно выполненную чисто военную операцию. Из публикаций последних лет [Вестерлунд, 2013] можно сделать вывод, что в основе расправ лежала социальная и политическая ненависть («белые» против «красных»), но она, несомненно, была приправлена антирусскими настроениями. Нет прямых доказательств, что репрессии были осуществлены по распоряжению Маннергейма. Он не вмешался в события, чтобы не потерять поддержку прибывших из Германии финских егерей, превратившихся из воинов в палачей. Среди официальных лиц и в то время были такие, кто полагал нужным провести расследование и наказать ответственных за наиболее тяжкие преступления. Маннергейм предпочел спустить дело «на тормозах». Его тогда заботило другое: как организовать поход на большевистский Петроград, несмотря на то что советская Россия первой в мире признала независимость Финляндии «в полном согласии с принципами права наций на самоопределения» декретом Совнаркома от 18 (31) декабря 1917 г. в ответ на официальное обращение финляндского Сената. Без этого декрета юридически независимость

Финляндии могла бы считаться фиктивной, – проявлявшие осторожность США и Великобритания официально признали независимость этого государства только в мае 1919 г., т.е. почти полтора года спустя.

Формально Финляндия – еще не имевшая республиканской конституции – долгое время была монархией (главой государства два месяца считался Фридрих Карл Гессен-Кассельский, из-за бурных событий в Германии так и не добравшийся до Финляндии), а в отсутствие монарха страной должен был управлять регент. Сначала – чуть больше двух месяцев – им был первый премьер-министр Финляндии младофинн П.-Э. Свинхвуд. Маннергейм сменил его 12 декабря 1918 г. и оставался в должности до 26 июля 1919 г., когда в качестве президента республики был избран К. Стольберг. Завершая рассказ о деятельности Маннергейма в качестве регента, автор монографии упоминает об орденах, учрежденных по его инициативе. На этом сюжете стоит немного остановиться. По замыслу дизайнера обоих орденов выдающегося финского художника А. Галлен-Каллела, в изображение знаков обоих орденов была включена свастика. Для современников эта деталь не была неожиданной: финская свастика хакаристи с древних времен означала удачу, посланную свыше. У Галлен-Каллела не могла даже зародиться мысль, что через несколько лет германские нацисты, о которых он тогда, естественно, и слышать не мог, выберут этот знак символом своего движения (справедливости ради следует сказать, что в изображении немецкой и финской свастик есть отличия в наклонах осей креста). Однако решительные, но плохо осведомленные критики Маннергейма не считают это простым совпадением. Они используют в качестве повода для подозрений и дальнейшую историю с орденом. Когда разразилась Вторая мировая война, Большим Крестом ордена Свободы (и не только им) награждались и высшие чины нацистской Германии, например, Геринг. Так финская и германская свастики оказывались рядом на одной груди.

«Германский след» автор прослеживает в биографии Маннергейма еще с 1898 г., когда кайзер удостоил его приглашения на обед. В ту пору Ники и Вилли дружили, а потом между ними вспыхнула война, и Маннергейм забыл о симпатиях к кайзеру. В первые годы независимости Маннергейм, в отличие от Ю.-К. Паасикиви (премьер-министр с мая 1918 г.) и большинства членов Сената, определенно выступал противником прогерманской ориентации. Кстати, для Маннергейма было неприемлемо вмешательство в финляндские дела и Швеции, которая неожиданно оккупировала Аландские острова. Маннергейм был возмущен шведской акцией, но не успел предпринять каких-либо действий против незваных гостей на островах. Их оттуда, не спросив финнов, выставили немцы. «Финско-шведские отношения после этого эпизода так и не вернулись на прежний уровень еще и потому, – отмечает Мейнандер, – что шведы декларировали: они не могут оказать военную поддержку буржуазной Финляндии, поскольку соблюдают нейтралитет и не намерены вмешиваться в мировую войну» [Мейнандер, 2020: 117].

Месяц, с середины ноября до середины декабря 1918 г., Маннергейм провел в Лондоне, где и получил известие о том, что ему предлагается пост регента. Возвращение в Хельсинки выглядело триумфальным. Мейнандер приводит цитату из воспоминаний Маннергейма, которого взволновало, что «почетный караул возглавлял сенатор Свинхувуд, стоя навытяжку в мундире сержанта» [Мейнандер, 2020: 126]. Видимо, сам Маннергейм счел после этого, что он окажется первым прези-

дентом Финляндии. Парламент, собравшийся для выборов президента 25 июля 1919 г., нанес регенту сокрушительный удар: за него проголосовало всего 50 депутатов, тогда как за его соперника из Национальной прогрессивной партии Каарло Юзо Стольберга – 143. Автор биографии напрасно не углубился в социально-политический анализ ситуации, не выяснил, какие социальные силы стояли за Маннергеймом, а какие за его соперником и почему.

В книге мастерски написан раздел «Аристократ после полудня» в 5-й главе. Перед читателем приоткрывается дверь в личный мир героя. Он вне политики, но она гостит в его доме: «Среди сохранившихся списков приглашений можно найти отдельные директивы по размещению персон за столом, на что Маннергейм обращал особое внимание, ведь его ужины, помимо гастрономических и развлекательных целей, имели социальную и политическую подоплеку». [Мейнандер, 2020: 149]. В этом разделе, где речь идет о повседневной и закрытой от чужих взглядов жизни своего героя, автор деликатно касается и темы «женщины в жизни Маннергейма» – темы, которую сам бывший регент в своих мемуарах почти не затрагивает. Любвеобильный Маннергейм, от проказ которого в 1900 г., после восьми лет несчастливой совместной жизни, сбежала жена Анастасия (дочь генерала Арапова) с двумя малолетними дочерьми, не афишировал своих любовных связей. Скрытный характер кавалергарда не дал возможности историкам проникнуть в его сердечные тайны и породил немало слухов и легенд. Так, одно из преданий связало его имя с именем выдающейся российской и советской балерины Екатерины Гельцер. Документов на этот счет нет. Автор биографии благоразумно не включил этот – возможно выдуманный – сюжет в свое повествование. Все-таки нужно отдать должное Маннергейму: он не делал имена своих бывших подруг предметом сплетен и всегда помогал Анастасии и дочерям выжить на чужбине.

Касается автор и общественно-политической жизни Маннергейма в 1920–1930-х гг., называя его «серым кардиналом» финской политики. Интересными представляются страницы, посвященные шюцкору – добровольной военизированной организации, возрожденной к жизни Маннергеймом и сыгравшей важную роль в подавлении революции в Финляндии. После поражения на президентских выборах в 1919 г. Маннергейм был назначен почетным председателем шюцкора, но отношение генерала к этому формированию, по мнению Мейнандера, было «неоднозначным».

Времени, непосредственно предшествовавшем Второй мировой войне и Советско-финской войне 1939–1940 гг., посвящена глава 6 – «Штормовое предупреждение». Маннергейм внимательно всматривался в перемены в Германии. В конце 1934 г. он пишет в частном письме: «Такое ощущение, что весь народ, как один человек, поддерживает своего «фюрера» и со свойственными немцам энергией и многогранными способностями строит новое государство» [Мейнандер, 2020: 164]. Приведя эти слова Маннергейма, автор биографии замечает, что Маннергейм не симпатизировал лично Гитлеру. Нельзя не учитывать, что за два года после прихода нацистов к власти гитлеровцы практически «зачистили» политическое пространство не только от коммунистов и социал-демократов, но и либералов, и только поэтому «весь народ, как один человек» был за Гитлера. Для консерватора, каковым являлся Маннергейм, главным было, видимо, устранение «красной угрозы». От внимательного взгляда не ускользнет и проявленный Маннергеймом интерес к строительству нацистского государства. Из сказанного не следует, что Маннергей-

ма надо отнести к нацистам, но можно предположить, что его консерватизм радикализировался, как это происходило с консерваторами и в других европейских странах.

В разделе «Месть истории» (это цитата из «Краткого курса истории ВКП/б/», где речь идет о поощрении «западными демократиями» экспансии фашистских государств) автор обсуждает перипетии дипломатического противоборства Хельсинки и Москвы в преддверии Советско-финской войны. Маннергейм рекомендовал финскому правительству еще во время весенних переговоров 1939 г. занять примирительную, даже уступчивую позицию. Осенью Маннергейм «еще более настойчиво, чем весной 1939 г., рекомендовал учитывать интересы безопасности Советского Союза» [Мейнандер, 2020: 184], – заключает биограф маршала. Как опытный политик, Маннергейм отчетливо понимал, что международная ситуация стремительно меняется, и у Финляндии остается все меньше шансов получить надежного союзника в Европе в случае военного конфликта с Советским Союзом. Применительно к самому маршалу этот раздел можно было бы назвать «иронией истории». Действительно, человек верой и правдой служивший царской России, невзлюбил Россию в новом облики. По зрелому размышлению он решил, что воевать с ней нежелательно. Тем не менее в силу обстоятельств он вынужден был стать одним из главных действующих лиц драмы под названием «Зимняя война».

Это трудная тема не только для финских, но и российских историков. И тем, и другим постоянно приходится оглядываться: не переступили ли они в своем стремлении быть объективными через ту незримую черту, за которой могут последовать обвинения в непатриотизме. Маннергейм как глава Совета обороны (с 1931 г.) не терял времени и готовился к войне. О том, что война не будет легкой, понимали и в Москве. Не говоря о «линии Маннергейма», значение которой, правда, не переоценивал и сам ее создатель, Финляндия была в состоянии провести внушительную мобилизацию. Позднее, при разборе хода и итогов войны в ЦК ВКП/б/ начальник ГРУ Генштаба РККА И.И. Проскуров докладывал: «по данным разведки было видно, что Финляндия может выставить до 0,5 млн чел.» [Зимняя война, кн.2, 1998: 204]. Значительная сила для небольшой страны. «Маннергейм, как только началась война, вернулся к той методике, которую апробировал в трех предыдущих войнах. Будучи опытным офицером, он призывал своих подчиненных соблюдать дисциплину, перемещал их с места на место, позволял себе саркастические комментарии, от которых генералы сразу трезвели, и у них пропадала охота спорить с ним и что-то доказывать» [Мейнандер, 2020: 198], – читаем мы в монографии. Маннергейм стремился к абсолютному единоначалию и создал такую ситуацию, когда «начальник Генерального штаба предпочитал, чтобы его непосредственные коллеги и фронтовые командиры подчинялись непосредственно Маннергейму». Роль начальника Генерального штаба представляется автору настолько минимизированной, что он даже не называет его в книге по имени. Этот начальник Генштаба генерал-лейтенант Карл Леннарт Эш по иронии судьбы оказался единственным из финских военных, кого позднее суд над военными преступниками приговорил к каторжным работам. Автор достаточно критически относится к методам Маннергейма по руководству войсками, но оговаривается: «Конечно, у этого стиля руководства были и свои преимущества», поскольку Маннергейм «поддерживал прямые контакты с командующими фронтами и знал о настроениях в самых низах» [Мейнандер, 2020: 199].

В тексте следующего раздела «Скандинавская пешка» речь идет в основном о поведении ведущих западных держав и Швеции во время Зимней войны. Автор особо останавливается на немцах: «Германия отклонила все финские призывы о помощи и просьбы содействовать в мирных переговорах, и это подтвердило подозрения: Берлин, согласно пакту Молотова–Риббентропа, признавал, что Финляндия входит в сферу советских интересов». Мы не собираемся вторгаться в спор о подлинности «секретных протоколов». Здесь важно другое: располагало ли тогда финляндское правительство сведениями о том, как шло обсуждение вопроса о Финляндии на советско-германских переговорах. Насколько известно, документальных источников об осведомленности финнов на этот счет нет. Располагая финны надежными сведениями на этот счет, едва ли они оставались бы такими несговорчивыми на советско-финских переговорах накануне Зимней войны. В таком случае Маннергейм, советовавший финским переговорщикам идти на уступки Москве, выглядит весьма дальновидным. Правда, автор книги считает, что Маннергейм все-таки был не прав: прояви финны слабость и уступи они требованиям Кремля, их ждала бы участь прибалтийских республик в 1940 г. Это опять-таки предположение. Ведь после Зимней войны была еще одна Советско-финская война 1941–1944 гг., еще более неудачная для Финляндии, но Советский Союз ее не поглотил. На помощь финнам в Зимней войне так никто и не пришел. К ее завершающей фазе международная ситуация оказалась настолько сложной, что финские политики окончательно запутались: с кем связать будущее Финляндии – с англо-французским блоком или с Германией. Маннергейм, как считает автор книги, оценивал более предпочтительными возможности атлантических держав: «этот подход, безусловно, был подкреплён опытом Первой мировой войны, хотя успехи Германии на Западном фронте и в западной Скандинавии не внушали Маннергейму стопроцентной уверенности в победе западных держав» [Мейнандер, 2020: 206]. В конце концов финская делегация отправилась в Москву для последнего обсуждения проекта мирного договора и его подписания. Кремль показал, что он недоволен упрямством Хельсинки. «Финны с началом переговоров испытали разочарование. Сталин не появлялся», замечают историки О. Вехвилайнен и В. Барышников [Зимняя война, кн.1, 1998: 345]. Так или иначе, 12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор. Теперь Маннергейм задумывался о путях консолидации нации: «Он больше не бравировал своими заслугами в освободительной войне или в событиях 1918 г.» [Мейнандер, 2020: 209]. Поэтому «весной 1940 г. он отменил празднование Дня флага и годовщины парада Белой победы в 1918 г.» [Мейнандер, 2020: 210]. Маннергейм решил, что Зимняя война подвела черту под гражданским конфликтом, и не время делиться на белых и красных.

В последнем разделе 7-й главы «Итоги и выводы» автор заключает: «финское правительство извлекло из Зимней войны чрезвычайно важный и долгосрочный урок: ни одна западная держава не готова проливать кровь ради национальной независимости и выживания финнов» [Мейнандер, 2020: 212]. Маннергейм ранее догадывался об этом, теперь он не сомневался. В то же время автор соглашается с теми, кто считает, что у финнов были основания не доверять и Кремлю. «Их подозрения подтвердились уже в конце марта 1940 г., когда Москва резко выступила против того, чтобы Финляндия начала переговоры о заключении союза с другими странами Северной Европы», отмечает автор [Мейнандер, 2020: 212]. Подозрения

подозрениями, но из текста Московского мирного договора с Финляндией явствует, что «стороны обязуются не заключать союзы или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон» (статья 3). В августе 1940 г. в Хельсинки в строжайшей тайне состоялись переговоры между эмиссаром Гитлера Йозефом Вельтёнсом и высшими чиновниками Финляндии во главе с премьер-министром Рюти (в декабре 1940 г. он станет президентом). Этот факт сам Рюти скрыл на послевоенном процессе над военными преступниками. Встреча оставалась неизвестной до 1980-х гг. Автор напоминает, что с поздней осени 1940 г. «немецкие войска на протяжении нескольких месяцев транзитом проходили через Финляндию, а финская армия пополняла свои склады немецким оружием» [Мейнандер, 2020: 217], и в итоге «удвоилась ее огневая мощь, заметно выросла боеспособность» [Мейнандер, 2020: 226]. 22 июня 1941 г. Финляндия подключилась к германской агрессии против СССР (в этот день люфтваффе использовало финские аэродромы). Это не явилось случайным стечением обстоятельств. Финляндия готовилась к реваншу. «Маннергейм знал: большая часть населения и государственных ресурсов были мобилизованы на укрепление обороноспособности страны» [Мейнандер, 2020: 215]. Завершая главу, автор биографии пишет о том, что опыт 1939–1940 гг. убедил Маннергейма в неспособности «Финляндии выжить, будучи к лету 1940 г. зажатай между двумя диктатурами, если она не присоединится к Германии» [Мейнандер, 2020: 221]. Автор как бы выдает индульгенцию Маннергейму, безоговорочно утверждая, что попытка сохранить нейтралитет привела бы к советской оккупации Финляндии или ее разделу между Германией и Советским Союзом. Выбор, сделанный финскими руководителями, однако, привел Финляндию к новой войне и новому поражению. Значил ли этот выбор, что руководители Финляндии приняли нацизм как государственную идеологию и собирались навязать стране систему власти, эквивалентную гитлеровскому режиму? В одном из интервью Мейнандер заметил, что как героизация Маннергейма, так и взгляд на него, как на «мини-Гитлера», наивны¹. И, думается, он прав.

В главе «Братья по оружию» автор показывает, как Финляндия исполняла роль младшего партнера агрессора. Теперь это означало, что Финляндия вступила в войну не только против Советского Союза, но и против всей Антигитлеровской коалиции. Перипетиям военных действий и дипломатических потуг (иное слово трудно подобрать) Финляндии в 1941–1943 гг. посвящены 1-й и 2-й разделы главы. Мы не будем на них останавливаться, а перейдем сразу к 3-му тонко написанному разделу «Болезненный финал». На рубеже 1943–1944 гг. власти Финляндии и сам Маннергейм начали строить планы выхода из войны. Маннергейму стало понятно, что военные перспективы неутешительны, а его самого, вероятно, ждет недобрый конец. Однако к концу 1943 г. грозные тучи над его головой начинают рассеиваться. Осенью 1943 г. «советский посол в Стокгольме Александра Коллонтай через шведского дипломата сообщила: Сталин просил передать, – он обещает, что Маннергейм никогда не будет признан виновным за военную политику Финляндии!»

¹ Meinander om Hitlerjamforelserna Naiv Mannerheimsyn is verige. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/meinander-om-hitlerjamforelserna-naiv-mannerheimsyn-i-sverige> (дата обращения: 10.02.2021). «Мини-Гитлером», в частности, назвал Маннергейма шведский историк-журналист, автор многих популярных исторических биографий Х. Арнстад.

[Мейнандер, 2020: 248]. Мейнандер поддерживает версию известного финского историка К. Рентолы, который резонно считает, что сдержанная позиция Сталина в отношении маршала объясняется тем, что Сталин не видел среди финских политиков равных по авторитету Маннергейму, и поэтому считал нужным иметь дело именно с ним, единственным, кто может убедить финнов в необходимости принять тяжелые для них условия выхода из войны. В политических кругах Финляндии также решили сделать ставку на Маннергейма в условиях, когда надежды на победу уже не осталось. Маннергейм решительно отказывался занять президентский пост: ведь он считал, что в сложившихся обстоятельствах следует без промедления принять советские условия выхода Финляндии из войны, тогда как часть влиятельных политиков надеялась на возникновение непреодолимых разногласий между членами антигитлеровской коалиции. У Маннергейма в видении военно-политической ситуации появились союзники. Еще 7 декабря 1943 г., выступая на закрытом заседании в парламенте, лидер аграриев У. Кекконен заявил: «Мы не можем строить нашу будущую политику на политических разногласиях между Россией и ее союзниками, на предсказываемых раздорах между ними» [Суоми, 2011: 55]. На совещании 2 апреля 1944 г., проводившемся Рюти с участием комитета по внешней политике, Маннергейм не проявил настойчивости, и советские предложения были отклонены. Тем временем оборонительные ресурсы были на исходе, а «работы по укреплению оборонительных позиций на Карельском перешейке продвигались слишком вяло» [Мейнандер, 2020: 250]. В финляндском штабе неверно оценили обстановку, решив, что Красная армия будет действовать на Нарвском фронте против немцев. Историк вменяет Маннергейму в вину серьезные недостатки в обороне Карельского перешейка, но все-таки полагает, что в первые недели лета 1944 г. Маннергейму удалось консолидировать финскую полевую армию. Немцы помогли финской армии сдержать натиск Красной армии, а это порождало надежды, что на завершающем этапе Советско-финской войны, когда политико-дипломатические методы станут вытеснять методы военные, Финляндия получит дополнительные козыри. Правоту Маннергейма, считавшего, что искать мира нужно было еще весной, подтвердили итоги летней кампании: 16 500 погибших.

В главе «Ответственность и наследие» подводятся итоги жизненного пути Густава Маннергейма. Сталин не ошибся: старый маршал не сошел со сцены. «И политическая элита страны, и союзники уже с весны 1943 г. намекали, что ему следует убедить и свой народ, и внешний мир в том, что Финляндии придется одобрить тяжелые условия мира», – пишет автор [Мейнандер, 2020: 256]. До лета 1944 г. президент Рюти и «сильный человек» в правительстве министр финансов Таннер отказывались выйти из войны на советских условиях. Однако удержаться у власти уже не могли. 4 августа 1944 Густав Маннергейм стал президентом и получил мандат на самостоятельные действия. 19 сентября в Москве было подписано Соглашение о перемирии между Финляндией, с одной стороны, СССР и Великобританией, с другой. Финские войска занялись вытеснением немецких военных с севера Финляндии в Норвегию (почти бескровная Лапландская война).

Примерно через полтора года последовала отставка. Появилось время на мемуары. Они весьма богаты фактами, информацией на военную и дипломатическую тематику, но в них мало эмоций. Маннергейму пеняли даже его соратники, например, Э. Хейнрикс (удивительный факт: его, пожалуй, самый лучший друг в Первую

мировую войну воевал на другой стороне), что воспоминания недостаточно искренни и самокритичны. Впрочем, их автора трудно заподозрить в самолюбовании. Взлету Маннергейма, по мнению автора, во многом способствовали его родовые черты: «сильное эго и осознание того, что ему от рождения досталось немало козырей: привилегированное происхождение, привлекательная внешность, крепкое телосложение и, наконец, честолюбие» [Мейнандер, 2020: 280]. Однако эти задатки могли стать и препятствием для развития личности. Судя по содержанию книги, Маннергейм вырос в одного из крупнейших деятелей XX в., потому что преодолел в собственном сознании сословные предрассудки, шагнул навстречу своему народу.

Последняя глава «Мемориал» уже не относится к биографии Маннергейма. В ней собраны суждения о маршале. Образ военачальника и политика со временем стал размываться и одновременно мифологизироваться. Мейнандер считает, что «превращение Маннергейма из исторической личности во все более и более мифического персонажа – в каком-то смысле необходимое условие для сохранения интереса к нему» [Мейнандер, 2020: 301]. Большую роль в популяризации наследия бывшего президента, по мнению автора, играет Фонд Маннергейма. Появился музей Маннергейма. Уже в 1950-х гг. старались лишний раз не напоминать о его сотрудничестве с Гитлером, потом ушла на задний план тема кровавого подавления «красных» финнов в годы гражданской войны и незабытые в России страдания советских военнопленных в финляндских концлагерях. Мейнандер даже делает прогноз: если через пятьдесят или сто лет «еще будет существовать независимая Финляндия, то юбилей маршала, конечно же, станет отмечаться повсеместно» [Мейнандер, 2020: 304]. Отрицать это трудно, потому что финны будут помнить уроки Густава Маннергейма, считавшего, что полагаться на чью-то защиту Финляндии не может, а с соседями нужно жить мирно. Это особенно актуально в наши дни, когда в Финляндии раздаются голоса, требующие отказаться от внеблоковой политики. Книга профессора Мейнандера помогает нам лучше понять Финляндию через историю жизни одного из самых крупных деятелей этой страны, чья судьба так драматично пересекалась с судьбой нашего народа.

Список литературы

Вестерлунд Л. (2013) Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... «Аврора-Дизайн», Санкт-Петербург, Россия.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. (1998) Политическая история. «Наука» Москва, Россия.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. (1998) И.В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)), «Наука», Москва, Россия.

Мейнандер Х. (2020) Густав Маннергейм. Аристократ в суконном мундире. «Весь Мир», Москва, Россия.

Суоми Ю. (2011) Из рода лососей. Урхо Кекконен. Политик и президент. «Весь мир», Москва, Россия.

Harrison D. (2017) Kvinnokarl som slogs för sig själv. URL: <https://www.aftonbladet.se/kultur/bokrecensioner/a/B8e8v/kvinnokarl-som-slogs-for-sig-sjalv> (дата обращения: 10.02.2021)

Petersson T. (2017) Meinander om Hitlerjämförelserna: Naiv Mannerheimsyn i Sverige. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/meinander-om-hitlerjamforelserna-naiv-mannerheimsyn-i-sverige/> (дата обращения: 10.02.2021)

References

Harrison D. (2017) Kvinnokarl som slogs för sig själv. URL: <https://www.aftonbladet.se/kultur/bokrecensioner/a/B8e8v/kvinnokarl-som-slogs-for-sig-sjalv> (accessed: 10.02.2021)

Mejnander H. (2020) Gustav Mannergejm. Aristokrat v sukonnom mundire [Gustav Mannerheim. An aristocrat in a cloth uniform]. «Ves' Mir», Moscow, Russia. (in Russian).

Petersson T. (2017) Meinander om Hitlerjämförelserna: Naiv Mannerheimsyn i Sverige. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/meinander-om-hitlerjamforelserna-naiv-mannerheimsyn-i-sverige/> (accessed: 10.02.2021)

Suomi YU. (2011) Iz roda lososej. Urho Kekkonen. Politik i president [From the genus of salmon. Urho Kekkonen. Politicians President]. «Ves' mir», Moscow, Russia. (in Russian).

Vesterlund L. (2013) My zhdali vas kak osvoboditelej, a vy prinesli nam smert'... [We were waiting for you as liberators, and you brought us death ...]. «Avrora-Dizajn», Sankt-Petersburg, Russia. (in Russian).

Zimnyaya vojna 1939–1940. Kn. 1. (1998) Politicheskaya istoriya [Winter War 1939–1940. Book 1. (1998) Political history]. «Nauka», Moscow, Russia. (in Russian).

Zimnyaya vojna 1939–1940. Kn. 2. (1998) I.V. Stalin i finskaya kampaniya (Stenogramma soveshchaniya pri CK VKP/b/) [Winter War 1939–1940. Book 2. (1998) I. V. Stalin and the Finnish Campaign (Transcript of the meeting at the Central Committee of the CPSU/b/)]. «Nauka», Moscow, Russia. (in Russian).

Gustav Mannerheim in the XXI Century Studies (on a New Book by Henrik Meinander)

Received 19.02.2021

Author: Plevako N., Candidate of Sciences (History), Head of the Centre for Northern Europe Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** natalia_plevako@mail.ru

Abstract. The article-review is an analysis of the book by a major Finnish researcher H. Meinander about the life and work of the most prominent military and political figure of Finland, Gustav Mannerheim. Following the author, the reviewer goes through the milestones of Mannerheim's life, analyzing both the convincing and the controversial statements of the historian. The book is written on the basis of various sources and contains polemics with other authors who were engaged in the same subject. The author strove for objectivity, neither embellishing the thoughts and actions of his hero, nor detracting from their meaning and significance, and in many ways achieved his goal. The monograph is divided into chapters that characterize particular periods in Mannerheim's life and consist of separate thematic sections-essays. The result is a dynamically developing picture of the formation of the hero's personality against the background of the most important events in the history of the world, Finland and Russia. The author traces how one of the most important European politicians, who has learned the contradictory experience of the history of the twentieth century, grows out of an aristocrat and a dandy officer. Central to the narrative is the theme "Mannerheim and Russia". Conscientious military service in the Russian Empire, the struggle with Soviet Russia, and, finally, the realization of the need to look for ways to form peaceful relations with a powerful neighbor - this is the evolution of Mannerheim's attitude to our country. A lot of space is also devoted to the problem of Finland's relations with other countries – Sweden, Germany and the United Kingdom. "The lessons of Mannerheim", as they are presented in the book, will be useful for the current and future generations of Finnish and Russian political scientists and political practitioners.

Key words: Finland, G. Mannerheim, Winter War, Finnish Civil War, World War II, Soviet-Finnish relations, H. Meinander.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22021167178>